

Оригинальная статья / Original article

doi: [10.15507/1991-9468.115.028.202402.232-248](https://doi.org/10.15507/1991-9468.115.028.202402.232-248)

УДК 39-057.875:378.4(=161.1)(470.345-25)

**Эмпирическая оценка состояния
этнической идентичности
и этнических установок русских студентов
(на примере гуманитарных направлений
подготовки Национального исследовательского
Мордовского государственного университета)**

С. И. Баляев ✉, **Ж. Г. Гаранина**, **С. Н. Никишов**, **И. С. Никишова**
МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация
✉ balyaevsi@mail.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время наблюдается тенденция неуклонного снижения ценности этнической идентичности в самосознании подрастающего поколения и молодежи. Оценка и изучение динамики состояния этнического самосознания напрямую связаны с необходимостью комплексного подхода к вопросу формирования и развития патриотизма у молодых россиян на современном этапе. Цель исследования – теоретический и эмпирический анализ состояния этнической идентичности и этнических установок у русских студентов (на примере гуманитарных направлений подготовки Национального исследовательского Мордовского государственного университета).

Материалы и методы. Для изучения особенностей этнической идентичности и этнических установок русских студентов проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 150 чел. – обучающихся младших курсов различных направлений подготовки Национального исследовательского Мордовского государственного университета. Были использованы следующие методики: опросник 16PF Р. Кеттелла (форма С), «Типы этнической идентичности» и «Этническая аффилиация» Г. У. Солдатовой и С. В. Ръжовой, «Оценка позитивности и неопределенности этнической идентичности» А. Н. Татарко, Н. М. Лебедевой. Математическая обработка полученных результатов проводилась методами корреляционного и факторного анализа.

Результаты исследования. По итогам проведенного исследования выявлен высокий уровень позитивной этнической идентичности у большинства русских студентов. У значительной части опрошенных преобладает средний уровень этнической аффилиации, при этом уровень этноаффилиативных тенденций выше, чем антиэтноаффилиативных. Результаты корреляционного анализа показали наличие значимых взаимосвязей между типами этнической идентичности и этническими установками респондентов. В результате факторного анализа выделено пять групп факторов, отражающих взаимосвязи между типами этнической идентичности и личностными качествами студентов.

Обсуждение и заключение. Сделанные авторами выводы вносят вклад в исследование проблемы этнической идентичности и ее взаимосвязи с этническими установками и личностными качествами русских студентов. Материалы статьи могут быть полезны специалистам в области этнической психологии для дальнейшего изучения и целенаправленного развития у студентов более глубоких представлений о собственной этнической идентичности и приобщения к своим этническим корням.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнические установки, аффилиация, этническая индифферентность, этнический нигилизм

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославь» в рамках научного проекта № 2/2023 по теме «Развитие этнической идентичности и этнических установок у русской молодежи».

© Баляев С. И., Гаранина Ж. Г., Никишов С. Н., Никишова И. С., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Эмпирическая оценка состояния этнической идентичности и этнических установок русских студентов (на примере гуманитарных направлений подготовки Национального исследовательского Мордовского государственного университета) / С. И. Бальяев [и др.] // Интеграция образования. 2024. Т. 28, № 2. С. 232–248. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.115.028.202402.232-248>

Empirical Assessment of Ethnic Identity and Ethnic Attitudes of the Russian Students (Case Study of Humanities Degree Programmes taught at National Research Mordovia State University)

S. I. Balyaev , Zh. G. Garanina, S. N. Nikishov, I. S. Nikishova
National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation
 balyaevsi@mail.ru

Abstract

Introduction. Currently, there is a tendency of steady decline in the value of ethnic identity in the self-consciousness of young people. The assessment and study of the dynamics of ethnic self-awareness are related to the need for a comprehensive approach to the problem of patriotism development of modern Russian youth. The purpose of this article is to analyze the ethnic self-consciousness and ethnic attitudes among Russian youth enrolled in humanities degree programmes at the National Research Mordovia State University.

Materials and Methods. 150 junior students took part in the empirical research. The following methods were used: the 16PF questionnaire by R. Cattell (form C), the “Types of Ethnic Identity” method by G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova, the Method for assessing the positivity and uncertainty of ethnic identity by A. N. Tatarko, N. M. Lebedeva, ethnic affiliation questionnaire by G. U. Soldatova, S. V. Ryzhova. The authors used methods of correlation and factor analysis.

Results. The study revealed a high level of positive ethnic identity in the majority of Russian students. The greater part of students have an average level of ethnic identity. The results of correlation analysis showed the presence of significant relationships between types of ethnic identity and ethnic attitudes. As a result of factor analysis, five groups of factors reflecting the relationship between types of ethnic identity and personal qualities of students were identified.

Discussion and Conclusion. The authors’ findings contribute to the study of the problem of ethnic identity and its relationship with ethnic attitudes and personality traits of Russian students. The materials of the article can be useful for specialists in the field of ethnic psychology to study and develop students’ deep understanding of their own ethnic identity.

Keywords: ethnic identity, ethnic attitudes, affiliation, ethnic indifference, ethnic nihilism

Funding: The research was financially supported by the Svetoslav Foundation for Russian Civilization within the framework of scientific project No. 2/2023 on the topic “The development of ethnic identity and ethnic attitudes among Russian youth”.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Balyaev S.I., Garanina Zh.G., Nikishov S.N., Nikishova I.S. Empirical Assessment of Ethnic Identity and Ethnic Attitudes of the Russian Students (Case Study of Humanities Degree Programmes taught at National Research Mordovia State University). *Integration of Education*. 2024;28(2):232–248. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.115.028.202402.232-248>

Введение

В последнее время многими исследователями и представителями общественности фиксируется нивелирование ценности

этнической идентичности в самосознании современных россиян¹ [1; 2]. Данная проблема приобретает особое значение, когда речь идет о молодежной среде, так

¹ Игнатова О. Как менялась численность населения России в последние десятилетия [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/02/26/v-bolshinstve-svoem.html> (дата обращения: 09.09.2023).

как вследствие активного насаждения глобалистских установок происходит размывание национального самосознания именно у молодого поколения, психологически и нравственно неустойчивого перед лицом современных общественно-политических угроз. Повышенная чувствительность сознания молодого человека к манипуляциям извне связана с особенностями возраста. Молодежь, как наиболее восприимчивая и мобильная часть общества, в высокой степени подвержена политическим провокациям. Поэтому всестороннее изучение и выявление скрытых психологических сторон функционирования этнических установок и этнической идентичности будет способствовать грамотному осмыслению происходящих процессов и компетентному планированию различных способов развития позитивной этнической идентичности и устойчивых этнических установок у молодежи. Исследование проводилось в рамках научного проекта № 2/2023 по теме «Развитие этнической идентичности и этнических установок у русской молодежи», что обусловило наше внимание именно к русской части студенчества.

Целью исследования явилось изучение состояния этнической идентичности и этнических установок у русской молодежи на примере Национального исследовательского Мордовского государственного университета (далее – МГУ им. Н. П. Огарёва). Были обозначены следующие задачи: анализ имеющихся теоретических подходов в зарубежной и отечественной науке, обобщение накопленного эмпирического опыта в отношении понятия, структуры и свойств этнической идентичности, а также эмпирический анализ состояния этнической идентичности и этнических установок русских студентов.

Феноменологическое поле этнической идентичности – это особые психологические конструкты межэтнического взаимодействия (этноаффилиативные установки, этнические стереотипы). Данные когнитивно-эмоциональные образования способны трансформироваться под воздействием ряда факторов в саморазрушающие предрассудки, предубеждения о своем народе, что может стать основой

для развития неблагоприятных деструктивных тенденций, прежде всего в молодежной среде. Феномены этнической установки и этнической идентичности в контексте междисциплинарного подхода изучаются как социально-перцептивные образования, формирующиеся в результате восприятия своей (ингруппы) или чужой (аутгруппы) группы, и предполагают готовность к определенного рода поведению. В качестве основных показателей, позволяющих рассматривать этническую идентичность и этническую установку как социально-психологические феномены, следует отметить уникальную феноменологию, функциональное своеобразие, самостоятельную линию онтогенеза, взаимосвязь с групповыми процессами, а также широким социальным и политическим контекстом. Научная новизна исследования состоит в оценке рассматриваемых явлений в тесной связи не только с социокультурными факторами, но прежде всего с личностными особенностями носителей этнических черт, что не является предметом научных изысканий в отечественной психологии. Регулярная эмпирическая оценка состояния этнической идентичности и этнических установок молодежи – необходимая процедура в вопросе прогноза и профилактики роста конфликтогенности социально-политической ситуации в стране.

Выбор этнических установок и этнической идентичности русской молодежи в качестве объекта исследования предполагает необходимость междисциплинарного характера научно-исследовательского поиска и разработку вопросов, связанных с анализом процесса формирования и развития, механизмов регуляции и контроля установочных образований, а также анализа формирования и развития всего комплекса феноменов, входящих в структуру этнического самосознания. Междисциплинарность выступает важнейшим принципом научного исследования таких этнопсихологических феноменов, как этническая идентичность и этнические установки. Психологи, имея достаточно широкие возможности эмпирического изучения выраженности, проявления и других характеристик русской идентичности на примере малой группы,

не вправе игнорировать данные социологических опросов, анализ исторических перипетий в судьбе народа, широкого социального контекста рассмотрения данного феномена в целом. Только в этом случае сохраняется принцип научной объективности исследования столь сложных и неоднородных явлений.

Обзор литературы

В современном мире теряют свою значимость связи внутри этнической группы, а также их идентификационные черты: религия, язык, особенности хозяйственного уклада. М. Хайслер отмечал возрастание роли субъективных признаков в процессе этнической идентификации, подчеркивал, что в условиях глобализирующегося мира объективные маркеры процесса этнического самоопределения в значительной степени нивелированы².

С одной стороны, развивающиеся процессы глобализации должны были закономерно отодвинуть понятие этнической идентичности на второй план, с другой, по мнению Д. Тэйлора, – последствия отсутствия значимой коллективной идентичности катастрофичны как для группы, так и для отдельного индивида. Этническая ассимиляция часто развивается именно в тех общностях, где запущен процесс утраты выраженной коллективной идентичности, этнической в частности³.

Несмотря на первенство западных исследователей в разработке данной проблемы на протяжении XX в., в условиях резко актуализировавшейся на постсоветском пространстве межэтнической напряженности, был накоплен богатый эмпирический опыт исследования этнической идентичности в нашей стране.

Этническая идентичность рассматривается Л. М. Дробижевой как осознание людьми своей национальности, традиций и отношений [3]. Она выделяет нормальную идентичность, под которой понимает позитивные представления о своей национальности и соответствующие положительные

эмоции, и негативную идентичность, формирующуюся на основе представлений о своей неспособности изменять жизнь к лучшему, чувстве обиды и враждебного отношения к «чужим». Однако в данном когнитивно-эмоциональном тождестве с общностью, как это показывает Т. Г. Стефаненко в своей работе, главной частью данного феномена оказывается не познавательный компонент, а эмоционально-аффективный – переживание своей принадлежности к этносу [4].

Отечественные и зарубежные ученые подчеркивают функциональную значимость этнической идентичности в жизни современного человека. Так, в исследовании Т. Титовой и соавторов анализируются тесные связи этнической и религиозной идентичности, отмечается, что сознание общности со своей этнической группой позволяет человеку удовлетворять потребность в эмоциональной защищенности [5]. В свою очередь, С. В. Рыжова этническую идентичность рассматривает в контексте реализации потребности индивида в поддержании тесных социальных связей, построенных на взаимной поддержке и уважении [6]. В условиях радикальных социальных трансформаций, политических кризисов отождествление с этносом как вневременной общностью позволяет людям сохранять психологическую устойчивость и положительное самовосприятие.

Становление этнической идентичности осуществляется в онтогенезе и органично реализуется в процессе социализации ребенка. Именно в детстве возникают прочные эмоциональные связи не только с семьей, ближним социальным кругом, но и с этносом. По мнению С. А. Кадыковой, потребность в психологической поддержке со стороны этнической группы особенно актуальна в период детства и подросткового возраста, поскольку обуславливает устойчивый круг общения ребенка, его социометрический статус и самочувствие в группе [7]. Постепенное включение в группу «своих»

² Heisler M. O. *Ethnicity and Ethnic Relations in the Modern West // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies* ; ed by J. V. Montville. Lexington : Lexington Books, 1991. 558 p. URL: <https://archive.org/details/conflictpeacemak0000unse/page/n3/mode/2up> (дата обращения: 04.12.2023).

³ Тэйлор Д. Белое самосознание. Расовая идентичность в XXI веке. М. : Кучково поле, 2014. 496 с.

способствует эффективному усвоению индивидом языка, культурных традиций и ценностей. Л. С. Выготский охарактеризовал данный процесс как своего рода сшивание с помощью знаков и символов невидимой психологической ткани [8]. Различными авторами отмечается ведущая роль ранних этапов социализации в определении содержания и направленности этнического самоопределения человека в течение всей жизненной перспективы. Так, А. Рахметова с коллегами обращают внимание на быстро формирующуюся у ребенка языковую идентичность и тесно коррелирующую в дальнейшем с его этническим статусом, особенно у выходцев из этнически смешанных семей [9]. Дж. Финни рассматривает процесс становления этнической идентичности как весьма нестабильный и взаимосвязанный с особенностями возрастного развития. Исследователь считает, что наиболее активное развитие осознанной этнической идентичности индивида осуществляется в интервале 10–16 лет и совпадает с кризисностью и конфликтностью самосознания подростка [10].

Этническая идентичность может быть рассмотрена по степени выраженности на континууме от гипоиентичности до крайних проявлений гиперидентичности. Автор типологии Г. У. Солдатова выделяет шесть типов идентичности, а в качестве точки отсчета предлагает так называемую норму этнической идентичности:

1) норма этнической идентичности – характеризуется положительными установками не только к своему, но и к другим этносам;

2) этническая индифферентность – показывает, что этнический статус не является значимым, хотя и не отвергается полностью;

3) этнонигилизм как крайнее выражение гипоиентичности – проявляется в отрицании идентичности с этнической группой, подчеркивании негативного отношения к ней;

4) этноэгоизм (умеренная форма гиперидентичности) – характеризуется тем, что традиции и культурные нормы своего

народа являются своеобразным фильтром восприятия всего остального мира;

5) этноизоляционизм – проявляется в отрицательном отношении к чужим этническим группам, отсутствии желания устанавливать с ними контакты;

6) национальный фанатизм – характеризуется тенденцией к агрессивному поведению по отношению к лицам других этносов⁴.

Актуализация этнической идентичности для индивида и группы может быть обусловлена ростом уровня полиэтничности территории за счет притока мигрантов [11], принятием политическим руководством курса на национальное возрождение [12], необходимостью адаптации в новых социокультурных условиях [13] и даже доступностью национальной кухни в регионе [14]. Рост значения этнической идентичности для субъекта нередко является закономерным следствием политической нестабильности и напряженности в стране или регионе, когда повышается потребность в психологической безопасности. В этой связи могут обнаруживаться рост аффективного компонента в структуре этнической идентичности, развитие гиперидентичных тенденций [15; 16].

Этническая идентичность, формирующаяся и развивающаяся в результате сравнения «чужих» и «своих», опирается в конечном итоге на этнические установочные образования. Этнический статус обуславливает восприятие окружающего социального мира посредством данных установок. Этнические установки – это прежде всего этноаффилиативные установки, этнические стереотипы, предубеждения и предрассудки.

Этноаффилиация – это установки на психологическую близость со своей этнической группой, которая выражается в готовности контактировать со «своими», следовать их нормам и запретам. Развитые этноаффилиативные установки проявляются в низком уровне социальной дистанции с представителями своего этноса, что позволяет человеку получать психологическую поддержку и помощь группы,

⁴ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 389 с.

избавляться от тревоги и стресса. Как отмечают Р. К. Уразметова и И. Р. Хисматуллин, высокий уровень этноаффилиации тесно коррелирует с выраженностью и положительной направленностью этнической идентичности [17].

В настоящее время проблема этнической идентичности приобрела междисциплинарный контекст. В частности, большое количество научных исследований посвящено проблеме этнической идентичности русских, проживающих на территории России. С. В. Рыжовой установлено, что актуализированной этнической идентичностью обладают 74 % россиян; 20 % опрошенных чувствуют ее «время от времени»; не ощущают эту общность менее 5 % опрошенных, при этом у россиян с актуальной этнической идентичностью ее значимость достигает 93 % [18]. В свою очередь С. Г. Максимова в ходе эмпирического исследования доказывает, что этническая идентичность современного русского населения в регионах нашей страны основана на антропологической и ментальной схожести, социально-экономических характеристиках [19].

В то же время О. В. Голубь с соавторами, проведя сравнительный анализ выраженности этнической идентичности граждан России (русских в том числе) и граждан США, вынуждена констатировать, что у наших соотечественников значительно выше уровень этнонигилизма (в 2,3 раза), этноиндифферентности (в 2,1 раза) и этнофанатизма (в 1,75 раза). Тем не менее авторы исследования подчеркивают, что именно русские (как и россияне в целом) в стрессовых и трудных обстоятельствах готовы на завидное самопожертвование в интересах своего народа и своей страны [1].

За рубежом этническая идентичность русского меньшинства нередко формируется как бикультурная, которая является результатом тесной связи не только с родным этносом, но и с местом проживания [20]. Немаловажным фактором в процессе этнической идентификации русских в других странах становится уровень их психологического благополучия [21]. В частности, у русских, проживающих в Казахстане, позитивная

направленность их этнического самоопределения тесно коррелирует с выраженностью таких характеристик, как удовлетворенность жизнью, самопринятие, эмоциональный баланс и реализация жизненных целей, что демонстрирует детерминированность этнической идентичности субъективными личностными качествами [22].

Диагностика содержания и направленности этнических стереотипов также позволяет выявить состояние этнической идентичности группы. В частности, как выяснили в ходе 20-летних эмпирических исследований Л. Г. Почебут и Д. С. Безносков, в число наиболее заметных черт русского автостереотипа входят коллективизм, ориентация на духовные ценности, справедливость, оптимизм, способность к оперативной самоорганизации [23].

А. Ф. Ханова и Е. А. Станкевич, исследуя стереотипы русских и татар, проживающих в республике Татарстан, выявили, что семантическая зона автостереотипа «русские» представлена понятиями «братья», «россияне», «родня», «свои» [22]. Эмоционально-оценочный компонент автостереотипа характеризуется реакциями с положительной коннотацией. В результате сопоставительного анализа регионального русского сознания с русским языковым сознанием авторы упомянутого исследования приходят к выводу о преобладании в автостереотипе этнических русских в Татарстане исключительно положительных характеристик.

Также на основе психолингвистического исследования Э. А. Кечиной и Ю. А. Гришениной выявлено ядро ассоциативного поля стимула «Россия» у русских респондентов, представленное самой частотной реакцией «Родина», при этом подчеркивается «великодержавность» страны и отмечается максимальное смысловое тождество понятий «Россия», «русские», «русский дух» [24]. В исследовании А. В. Меренкова и соавторов, посвященном изучению представлений жителей Екатеринбурга о русских (как об этносе), выявлена положительная коннотация этнического автостереотипа русских: «гостеприимство», «душевные качества», «добросердечность», «терпеливость» и «готовность к самопожертвованию» [25].

В последние десятилетия различные исследователи констатируют значительное снижение статуса и роли этнической идентичности в самовосприятии у русской молодежи и подрастающего поколения. Одной из характеристик невыраженной этнической идентичности молодых русских является слабая вербализация этнонима «Я – русский». Как отмечает Г. С. Степанова, анализируя степень включенности в разговорную речь понятия «русский» как критерия актуальности этнической идентичности, для русской молодежи больше, чем для других народов России, не характерно использование этнонима в личном контексте [26].

Другие тревожные и противоречивые данные о состоянии этнической идентичности подрастающего поколения русского этноса были получены в исследовании И. С. Сухорукова [27]. С одной стороны, автор заключает, что у большинства опрошенных этническая идентичность как значимая и ценная категория в их самовосприятии не сформирована, с другой – те же респонденты демонстрируют выраженные ксенофобные установки к другим народам. Схожие результаты получила Н. С. Чернышева, выявив у половины опрошенных русских подростков и юношей диффузную и даже отрицательно направленную этническую идентичность [28].

О состоянии этнической идентичности могут свидетельствовать эмиграционные установки, которые способны актуализироваться у наиболее мобильной части населения, в поисках физических и психологических комфортных условий жизни. В недавнем кросс-культурном исследовании Н. В. Муращенкова и коллеги уточнили ведущую роль в росте интереса к миграционным установкам эмоционально-оценочного компонента этнической, гражданской и глобальной идентичностей [29]. Причем положительная корреляция развитой глобальной идентичности и установок на переезд из России является обратной стороной низкого уровня выраженности этнической идентичности, в частности у русских студентов. Так, у студенчества отечественных вузов обнаружены несформированная этническая идентичность, отрицательные установки к гражданам своей страны и вместе с этим

наличие четкой идентификации с глобальной общечеловеческой общностью [30]. Полученные коллегами данные не могут не настораживать научные круги и общественность.

Таким образом, этническая идентичность представляет собой когнитивно-эмоциональное тождество субъекта (индивида, группы) с этнической общностью. Формирование и развитие этнической идентичности, появление психологической близости с этническими «своими» связаны с активным включением человека в этноконтрактную среду – многочисленные ситуации межэтнических взаимодействий. Сформированная этническая идентичность является неотъемлемой составляющей социальной идентичности психологически зрелой личности.

В качестве гипотез настоящего исследования следует выдвинуть следующие предположения: структура этнической идентичности студентов неоднородна и выражается в преобладании эмоционально-аффективного компонента над когнитивным; одним из наиболее выраженных типов этнической идентичности у русских студентов является этническая индифферентность; степень развития этноаффилиативных установок должна быть тесно связана с уровнем выраженности этнической идентичности русских студентов; тип этнической идентичности взаимосвязан с личностными свойствами русских студентов.

Материалы и методы

Для изучения состояния этнической идентичности и этнических установок русских студентов гуманитарных направлений подготовки нами было проведено эмпирическое исследование на базе МГУ им. Н. П. Огарёва, в котором принимали участие студенты направлений подготовки «Психология», «Журналистика», а также специальности «Экономическая безопасность». Общий объем выборки составил 150 чел. в возрасте от 18 до 20 лет. Исследуемая выборка состояла из 95 девушек и 55 юношей, что обусловлено преимущественной представленностью лиц женского пола на гуманитарных направлениях подготовки. 90 % респондентов причисляют

себя к русской национальности. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании и выразили готовность к сотрудничеству.

Особенности этнической идентичности изучались с помощью методики Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой «Типы этнической идентичности»⁵. Опросник включает в себя шесть шкал: этнический нигилизм, этническую индифферентность, позитивную этническую идентичность, этнический эгоизм и этнический фанатизм. Исследование особенностей этнической идентичности проводилось с помощью методики А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой «Оценка позитивности и неопределенности этнической идентичности»⁶, включающей шкалы позитивной и неопределенной этнической идентичности. Согласованность α -Кронбаха по шкалам данной методики составила 0,84. Этнические установки выявлялись с помощью опросника этнической аффилиации (Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой)⁷,

измеряющего общий уровень этнической аффилиации, этноаффилиативные и анти-этноаффилиативные тенденции. Согласованность α -Кронбаха по шкалам данной методики составила 0,81. Для изучения личностных особенностей студентов использовался опросник 16PF Р. Кеттелла (форма С; 105 вопросов). Математическая обработка полученных результатов проводилась методами корреляционного и факторного анализа с помощью статистического пакета SPSS Statistics 23.0.

Результаты исследования

Результаты исследования распределения уровней выраженности этнической аффилиации и типов этнической идентичности студентов по методикам Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой «Этническая аффилиация», «Типы этнической идентичности» и методике А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой «Оценка позитивности и неопределенности этнической идентичности» представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. Уровень выраженности типов этнической аффилиации и этнической идентичности студентов

Table 1. Level of expression of types of ethnic affiliation and ethnic identity of students

Шкалы / Scales	Средние значения / Averages (M)	Стандартные отклонения / Standard deviations (SD)	Min	Max
Общий уровень этнической аффилиации / General level of ethnic affiliation	50,70	10,57	20	80
Этноаффилиативные тенденции / Ethnoaffiliative tendencies	25,90	5,50	10	40
Антиэтноаффилиативные тенденции / Anti-ethno-affiliative tendencies	24,90	6,10	10	40
Этнический нигилизм / Ethnic nihilism	2,80	2,26	0	10
Этническая индифферентность / Ethnic indifference	13,40	3,67	0	20
Позитивная этническая идентичность (норма) / Positive ethnic identity (norm)	18,80	2,32	0	20
Этнический эгоизм / Ethnic egoism	4,70	3,14	0	20
Этнический изоляционизм / Ethnic isolationism	3,12	3,06	0	20
Этнический фанатизм / Ethnic fanaticism	3,53	2,85	0	20
Позитивная этническая идентичность / Positive ethnic identity	17,03	2,59	0	20
Неопределенная этническая идентичность / Undefined ethnic identity	8,62	3,02	0	20

Источники: здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.
Source: Hereinafter in this article all tables were drawn up by the authors.

⁵ Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Психодиагностика толерантности личности. М. : Смысл, 2008. 172 с. EDN: VIALHH

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Из данных таблицы видим, что общий уровень этнической аффилиации у респондентов выше средних значений; это характеризуется стремлением быть окруженным людьми своей этнической общности и созданием доверительных, дружеских отношений с представителями других этносов. При этом средний уровень этноаффилиативных тенденций выше, чем антиэтноаффилиативных, что говорит о преобладании у студентов стремления к установлению дружеских отношений с представителями различных этнических групп перед стремлением отдалиться от них.

Исследование типов этнической идентичности показало, что у большинства респондентов преобладает высокий уровень позитивной этнической идентичности. Это проявляется в положительном отношении студентов к представителям своей и других национальностей. Наименее выражены у студентов этнический эгоизм, этнический фанатизм и этнический изоляционизм.

Проводившееся нами ранее исследование этнической идентичности студентов с помощью методики Дж. Финни «Этническая идентичность» [31] также подтверждает тот факт, что у большинства русских студентов преобладает чувство принадлежности к своему этносу, складываются о нем четкие представления, способствующие осознанию своих этнических качеств.

Исследование личностных особенностей студентов, проводившееся с помощью опросника 16PF Р. Кеттелла, показало средний уровень выраженности большинства выявленных факторов. Значения выше среднего наблюдаются по факторам В (интеллект) ($M = 6$; $SD = 2,17$), М (практичность – мечтательность) ($M = 6,7$; $SD = 2,32$) и Q3 (низкий/высокий самоконтроль) ($M = 6,15$; $SD = 2,65$).

Поскольку в настоящей выборке большинство студентов причисляют себя к русской национальности, а доля представителей других этнических групп относительно мала, статистическая обработка полученных результатов проводилась на основе совокупности всех полученных данных. Для проверки одной из гипотез нашего исследования о том, что степень развития этноаффилиативных установок должна быть тесно связана с уровнем выраженности

этнической идентичности русских студентов, был проведен корреляционный анализ полученных данных, который показал наличие статистически значимых взаимосвязей между некоторыми типами этнической идентичности и этнической аффилиацией. Так, этническая аффилиация отрицательно связана с этнической индифферентностью ($r = -0,42$, $p < 0,01$), а этнический эгоизм положительно – с этнической аффилиацией ($r = 0,268$, $p < 0,01$).

Проведенное нами исследование взаимосвязей между личностными особенностями студентов и типами этнической идентичности показало, что некоторые личностные качества студентов связаны с различными типами этнической идентичности [31].

Для структурирования полученных результатов по типам этнической идентичности, этнической аффилиации и личностных особенностей респондентов применялся факторный анализ (методом главных компонент) и вращение Варимакс с нормализацией Кайзера, на основе которого было выделено пять факторов. Результаты факторного анализа представлены в таблице 2.

Первый фактор – «Тревожность» (с дисперсией 19,1 %). В него вошли следующие показатели: «F1 – тревожность» (0,935), «Фактор Q4 (расслабленность – напряженность)» (0,73), «Фактор O (спокойствие – тревожность)» (0,75), «Фактор L (доверчивость – подозрительность)» (0,61). Максимальный факторный вес имеет фактор «F1 – тревожность», вокруг него группируются все остальные параметры. Это позволяет утверждать, что тревожность студентов во многом определяется высоким уровнем напряженности и подозрительности и образует определенный личностный тип, влияющий на особенности отношения к людям и окружающей действительности.

Второй фактор – «Экстраверсия» (с дисперсией 12,8 %). Включает такие переменные, как «F 2 – экстраверсия» (0,95), «Фактор E (подчиненность – доминантность)» (0,56), «Фактор F (сдержанность – экспрессивность)» (0,74), «Фактор A (замкнутость – общительность)» (0,65), «Фактор H (робость – смелость)» (0,63) и «Этнический нигилизм» (0,35).

Таблица 2. Результаты факторного анализа, %
Table 2. Results of factor analysis, %

№ п/п	Название шкал / Scale name	Факторы / Factors				
		1	2	3	4	5
	Дисперсия / Dispersion, %	19,100	12,800	11,100	8,400	7,600
Типы этнической идентичности / Types of ethnic identity						
1	Этнический нигилизм / Ethnic nihilism	0,045	0,350	0,480	-0,040	0,450
2	Этническая индифферентность / Ethnic indifference	-0,110	-0,089	-0,230	-0,068	0,770
3	Позитивная этническая идентичность (норма) / Positive ethnic identity (norm)	0,033	0,090	-0,180	-0,080	-0,018
4	Этнический эгоизм / Ethnic egoism	0,080	0,053	0,770	0,130	0,098
5	Этнический изоляционизм / Ethnic isolationism	-0,020	0,160	0,810	0,140	-0,060
6	Этнический фанатизм / Ethnic fanaticism	0,003	0,012	0,740	-0,050	-0,250
Личностные свойства / Personal properties						
7	Фактор А (замкнутость – общительность) / Factor A (reticent – sociable)	-0,260	0,650	-0,016	-0,130	-0,135
8	Фактор В (интеллект) / Factor B (intellect)	-0,004	-0,151	0,017	0,330	0,730
9	Фактор С (эмоциональная стабильность / нестабильность) / Factor C (emotional stability / instability)	-0,660	0,380	0,108	-0,120	0,075
10	Фактор Е (подчиненность – доминантность) / Factor E (subservience – dominance)	-0,130	0,560	0,164	0,340	-0,240
11	Фактор F (сдержанность – экспрессивность) / Factor F (restraint – expressiveness)	-0,090	0,740	0,156	-0,130	-0,115
12	Фактор G (низкая/высокая нормативность поведения) / Factor G (low/high normative behavior)	-0,025	-0,014	0,026	-0,270	-0,063
13	Фактор H (робость – смелость) / Factor H (timidity – courage)	-0,322	0,630	-0,150	0,250	0,046
14	Фактор L (доверчивость – подозрительность) / Factor L (gullibility – suspiciousness)	0,610	0,093	0,360	0,270	-0,038
15	Фактор М (практичность – мечтательность) / Factor M (practicality – daydreaming)	0,046	-0,056	-0,270	-0,550	0,077
16	Фактор N (прямолинейность – дипломатичность) / Factor N (straightforwardness – diplomacy)	0,181	-0,071	0,113	-0,004	0,031
17	Фактор О (спокойствие – тревожность) / Factor O (calmness – anxiety)	0,750	-0,250	0,280	-0,131	-0,040
18	Фактор Q1 (консерватизм – радикализм) / Factor Q1 (conservatism – radicalism)	0,038	0,215	0,050	0,750	0,127
19	Фактор Q2 (конформизм – неконформизм) / Factor Q2 (conformism – nonconformism)	-0,155	-0,540	-0,210	0,340	-0,175
20	Фактор Q3 (низкий/высокий самоконтроль) / Factor Q3 (low/high self-control)	-0,394	0,044	0,123	-0,035	-0,156
21	Фактор Q4 (расслабленность – напряженность) / Factor Q4 (relaxed – tense)	0,730	0,013	0,056	-0,004	0,016
22	F1 (тревога) / F1 (Anxiety)	0,935	-0,263	0,029	-0,046	-0,014
23	F2 (интроверсия – экстраверсия) / F2 (introversion – extraversion)	-0,251	0,950	0,064	0,095	-0,062
24	F3 (чувствительность – уравновешенность) / F3 (sensitivity – poise)	-0,214	0,032	0,082	0,005	-0,059
25	F4 (конформность – независимость) / F4 (conformity – independence)	-0,026	-0,148	0,104	0,850	0,018

Поскольку наибольший факторный вес имеет фактор «F 2 – экстраверсия», можно сделать вывод о том, что высокая экстраверсия определяет высокий уровень общительности, прямолинейности, доминантности, смелости, а также склонности к этническому нигилизму.

Третий фактор – «Этнический изоляционизм» (с дисперсией 11,1 %). Содержит переменные «Этнический изоляционизм» (0,81), «Этнический эгоизм» (0,77), «Этнический фанатизм» (0,74), «Этнический нигилизм» (0,48), «Фактор L (доверчивость – подозрительность)» (0,36), «Фактор M (практичность – мечтательность)» (-0,27). Наибольшую факторную нагрузку имеют показатели «Этнический изоляционизм», «Этнический фанатизм» и «Этнический эгоизм», что может говорить о связи таких личностных черт, как подозрительность и практичность со стремлением признавать авторитет только своей этнической группы, осторожно и недоверчиво относиться к лицам других этнических групп.

Четвертый фактор – «Конформность – независимость» (с дисперсией 8,4 %). Вошли следующие показатели: «F4 (конформность – независимость)» (0,85), «Фактор Q1 (консерватизм – радикализм)» (0,75), «Фактор M (практичность – мечтательность)» (-0,55), «Фактор E (подчиненность – доминантность)» (0,34), «Фактор Q2 (конформизм – нонконформизм)» (0,34). Такие личностные качества, как радикализм, нонконформизм, доминантность, практичность группируются вокруг фактора «Конформность – независимость», что логично составляет комплекс черт, характеризующий тип доминантной и независимой личности.

Пятый фактор – «Этническая индифферентность» (с дисперсией 7,6 %). Составили примерно с равными факторными нагрузками переменные «Этническая индифферентность» (0,77), «Фактор В (интеллект)» (0,73), а также «Этнический нигилизм» (0,45). Полученные данные можно объяснить тем, что интеллектуально развитые респонденты склонны к нейтральному отношению к собственной национальной принадлежности, а в отношениях с другими людьми ориентируются не на этические, а на индивидуально-психологические особенности.

Обсуждение и заключение

Большинство русских студентов характеризуют позитивная этническая идентичность и этноаффилиативные установки, положительное отношение к лицам своей этнической группы, а также доброжелательное отношение к другим национальностям.

Выявленный высокий уровень позитивности этнической идентичности во многом обусловлен повышенным интересом к своей этнической группе. Возрастающее значение этнической идентичности для русской молодежи может выступать следствием не только роста политической нестабильности в стране, но и актуализации общественного запроса на демонстрацию русского начала в массовой культуре и СМИ. Выявленная в ходе эмпирического исследования неоднородность структуры этнической идентичности русских студентов и преобладание аффективного компонента над когнитивным подтверждают выдвинутую нами гипотезу, а также согласуются с результатами исследований, проведенных С. В. Рыжовой [18], Д. Ю. Крупновым [16] и А. А. Сидельниковой [15].

Аффилиативные установки рассматриваемой группы характеризуются умеренным стремлением к общению с представителями своей национальности и склонностью к созданию дружеских отношений с представителями других национальностей. При этом у респондентов преобладает готовность к развитию конструктивных отношений с людьми различных этносов над стремлением дистанцироваться от них. У большинства опрошенных аффективный компонент преобладает над когнитивным, что проявляется в недостаточно четких представлениях о своей этнической принадлежности. Отрицательные взаимосвязи этнической индифферентности и этноаффилиации могут объясняться готовностью дружески взаимодействовать с людьми независимо от их этнической принадлежности.

Неопределенная этническая идентификация характеризует лиц с выраженной этнической индифферентностью, безразличным отношением к своей национальности, склонностью к дистанцированию от своих национальных корней, поэтому у студентов со слабым интересом к собственной

этничности наблюдается снижение позитивности своей этнической идентичности.

Результаты факторного анализа подтверждают предположение о том, что типы этнической идентичности во многом зависят от личностных особенностей студентов. Это обусловлено влиянием особенностей личности на процесс развития этнической идентичности.

Взаимодействие между «Фактором Е (подчиненность – доминантность)» и этническим изоляционизмом – выраженным стремлением к доминированию – связано с негативным отношением к представителям других этносов, склонностью изолироваться от них. Доминантность соотносится с этноэгоизмом, стремлением общаться с представителями только своей этнической группы, а также с осторожным и напряженным отношением к лицам других этносов. Этническая индифферентность обратно связана с доминантностью, что говорит об ориентированности на этнические признаки у лиц, склонных к доминированию в отношениях с людьми.

Эмоциональная нестабильность («Фактор С») сопоставляется с этническим нигилизмом, что может свидетельствовать о стремлении неуравновешенных, тревожных лиц к установлению более устойчивых взаимоотношений с другими людьми независимо от их национальности.

Отрицательная взаимосвязь между «Фактором N (прямолинейность – дипломатичность)» и этническим эгоизмом говорит о том, что дипломатичность в общении с представителями других этносов может проявляться в признании равных прав и возможностей людей всех национальностей.

Взаимосвязь между этническим изоляционизмом и «Фактором F4 (конформность – независимость)» свидетельствует о том, что стремящиеся к независимости лица более склонны к обособленности, признанию независимости и превосходства своего народа. «Фактор Q3 (низкий/высокий самоконтроль)» отрицательно связан с этническим фанатизмом, что может говорить о резко негативном отношении к другим этносам у респондентов с низким уровнем самоконтроля.

Экстравертированных, общительных и прямолинейных лиц характеризуют высокий уровень этнического нигилизма, склонность к поиску взаимосвязей не только с людьми своей этнической группы, но и с лицами других национальностей. Личностная тревожность во многом определяет напряженное и подозрительное отношение к окружающим людям и влияет на характер социального взаимодействия. Лица с выраженным этническим изоляционизмом, фанатизмом и эгоизмом характеризуют высокий уровень подозрительности, осторожное отношение к представителям других национальностей, склонность к дистанцированию от них, а также признание превосходства своей этнической группы над другими. Уровень интеллекта студентов во многом влияет на их индифферентное отношение к этническим особенностям окружающих людей. Студенты с высоким уровнем конформизма стремятся ориентироваться в социальном взаимодействии на общепринятые нормы и сочетать положительное отношение к своему народу с аналогичным отношением к другим этносам. Лица с выраженным стремлением к независимости отличаются радикализмом, нонконформизмом и стремлением дистанцироваться от других этнических групп.

Таким образом, типы этнической идентичности связаны со сложившимися этническими установками по отношению к своей и другим этническим группам, а также с некоторыми личностными качествами русских студентов.

Представленные результаты не претендуют на всеобщность описания, поскольку имеют некоторые ограничения. Границы применимости определяются спецификой социально-демографических и учебно-профессиональных характеристик респондентов и не могут быть полностью перенесены на представителей других учебно-профессиональных групп и в целом на всю студенческую молодежь региона. Другие ограничения применимости результатов исследования связаны с тем, что они не рассматривают все возможные этнические, социокультурные и психологические особенности респондентов, что

может внести дополнительные коррективы в понимание проблемы этнической идентичности и представляет направление для проведения дальнейших исследований.

В качестве направлений для проведения будущих исследований можно выделить расширение спектра изучаемых социально-демографических и психологических характеристик русской молодежи, а также разработку и проведение социально-психологических мероприятий, способствующих формированию позитивной этнической идентичности и этнических установок русских студентов. Важнейшим в условиях значительной роли эмоционально-аффективной составляющей в структуре

этнической идентичности русской молодежи становится вопрос дальнейшего целенаправленного укрепления сознательного приобщения к этническим корням, развития когнитивного компонента психологической близости молодого поколения к родному языку и традициям русского народа.

Результаты проведенного исследования могут использоваться на практике для формирования у студентов более глубоких представлений о своей этнической идентичности и позитивных этнических установок, способствующих налаживанию доброжелательных отношений русской молодежи с представителями своей и других этнических групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубь О. В., Тимофеева Т. С., Долгова В. Ю. Особенности этнической идентичности американцев и россиян // Мир науки. Педагогика и психология. Т. 8, № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN220.pdf> (дата обращения: 09.09.2023).
2. Малыгина И. Г. Культурная идентичность в современной России: поиск новых моделей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 43–48. URL: <http://files.mgik.org/Vestnik/2011/2011-3/2011%20-%20%203%20-%2043.pdf> (дата обращения: 09.09.2023).
3. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в иноязычной среде // Социологические исследования. 2010. № 12 (320). С. 49–58. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-12/Drobizheva.pdf> (дата обращения: 09.09.2023).
4. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2009. № 2. С. 3–17. URL: <https://mspsyj.ru/articles/article/4835/> (дата обращения: 09.09.2023).
5. Confessional Groups in the Republic of Tatarstan: Identity and Features of Its Design / T. Titova [et al.] // Codrul Cosminului. 2019. Vol. 25, issue 1. P. 87–94. <https://doi.org/10.4316/CC.2019.01.005>
6. Рыжова С. В. О ценностных характеристиках современной русской этнической идентичности // Власть. 2016. Т. 24, № 9. С. 163–172. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/4627/4409> (дата обращения: 09.09.2023).
7. Кадыкова С. А. Психолого-педагогические условия развития позитивной этнической идентичности учащихся // Образование и саморазвитие. 2008. № 3 (9). С. 207–213. EDN: [PBYFQX](https://www.edn.ru/PBYFQX)
8. Выготский Л. С. Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 1991. № 4. С. 5–18. URL: http://flogiston.ru/library/vyg_cult (дата обращения: 04.12.2023).
9. How Much Language is Important for Ethnic Identity of Young Kazakhstanis from Inter-Ethnic Families? / A. Rakhmetova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. Vol. 15, issue 11. P. 1573–1584. URL: <https://clck.ru/3A6ScM> (дата обращения: 09.09.2023).
10. Phinney J. S. Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research // Psychological Bulletin. 1990. Vol. 108, issue 3. P. 499–514. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.108.3.499>
11. Balich N. L., Mukha V. N. The Ethnic Identity in the Social Identity Structure of the Residents of Belarus and Russia // Asian Social Science. 2015. Vol. 11, no. 3. P. 327–334. <https://doi.org/10.5539/ass.v11n3p327>
12. Lenovský L. Vzťah Jazyka, Kultúry a Identity v Prostredí Etnických Minorít // Slavica Slovacca. 2018. Vol. 53, issue 3–4. P. 243–251. URL: http://www.slavu.sav.sk/casopisy/slavica/2018_1/Študie_finál_2-bezorez.pdf (дата обращения: 07.11.2023).
13. Ethnic Identity of Young Koreans Living in the Russian Far East / K. I. Vorobyova [et al.] // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol. 9, issue 21. P. 1–9. <https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i21/95223>

14. The in Influence of Biculturalism/Integration Attributes on Ethnic Food Identity Formation / N. Ishak [et al.] // *Journal of Ethnic Foods*. 2019. Vol. 6. Article no. 21. <https://doi.org/10.1186/s42779-019-0024-4>
15. Сидельникова А. А. Условия и способы формирования позитивной этнической идентичности у студенческой молодежи Донецкого региона // *Гуманитарный вестник (Горловка)*. 2017. Вып. 5. С. 137–143. EDN: YWRQTZ
16. Особенности развития этнической идентичности молодежи Южной Осетии / Д. Ю. Крупнов [и др.] // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15170> (дата обращения: 07.11.2023).
17. Уразметова Р. К., Хисматуллин И. Р. Этническая аффилиация среди молодежи в условиях полиэтничного общества (на примере республики Башкортостан) // *Вестник КрасГАУ*. 2015. Вып. 4. С. 225–227. URL: <http://www.kgau.ru/vestnik/content/2015/4.pdf> (дата обращения: 09.09.2023).
18. Рыжова С. В. Этническая идентичность в общественном измерении // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8, № 3. С. 165–181. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7497>
19. Maximova S. G., Omelchenko D. A., Noyanzina O. E. The Ethnic Identification of Russians in Mono- and Polyethnic Regions: Repertory Grid Analysis // *Society and Security Insights*. 2020. Vol. 3, no. 2. P. 13–40. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)2-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-01)
20. Рябиченко Т. А., Лебедева Н. М., Плотка И. Д. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // *Культурно-историческая психология*. 2019. Т. 15, № 2. С. 54–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>
21. Султаниязова Н. Ж. Соотношение характеристик этнической идентичности и субъективного благополучия русских и казахов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Акмеология образования. Психология развития*. 2019. Т. 8, вып. 1. С. 52–62. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-1-52-62>
22. Ханова А. Ф., Станкевич Е. А. Автостереотипы и гетеростереотипы русских и татар в республике Татарстан // *Вопросы психолингвистики*. 2016. № 4 (30). С. 244–255. URL: <https://iling-ran.ru/library/voprosy/30.pdf> (дата обращения: 07.11.2023).
23. Почебут Л. Г., Безнос Д. С. Психологический анализ социальных представлений русских // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер.: Психология*. 2013. Т. 5, № 2. С. 15–23. EDN: RVDQPR
24. Кечина Э. А., Гришенина Ю. А. Образ России как авто- и гетеростереотип в языковом сознании русских и арабских студентов // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 8 (50). URL: <https://clck.ru/3A77wZ> (дата обращения: 09.09.2023).
25. Меренков А. В., Скрыбина К. Ю., Антонова Н. Л. Этническая идентичность: представления жителей крупного города о русском этносе // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2020. Т. 4, вып. 1. С. 20–25. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-1-20-25>
26. Степанова Г. С. Особенности этнической идентичности русских: проблемы и перспективы исследования // *Социальная психология и общество*. 2012. Т. 3, № 4. С. 41–52. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2012_n4/sps_2012_n4_56496.pdf (дата обращения: 09.09.2023).
27. Сухоруков И. С. Формирование этнокультурной идентичности подростков и юношества в контексте становления в России гражданского общества: опыт эмпирического исследования // *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2016. Т. 2, № 4. С. 53–62. URL: https://rrpedagogy.ru/media/pedagogy/2016/4/Сухоруков_ИС.pdf (дата обращения: 07.11.2023).
28. Чернышева Н. С. Развитие этнической идентичности школьников // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2010. № 125. С. 103–112. URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/125/chernysheva_125_103_112.pdf (дата обращения: 07.11.2023).
29. Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России / Н. В. Муращенкова [и др.] // *Культурно-историческая психология*. 2022. Т. 18, № 3. С. 113–123. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
30. Представления о настоящем и будущем страны как фактор эмиграционной активности студенческой молодежи: кросс-культурный анализ / М. Н. Ефременкова [и др.] // *Социальная психология и общество*. 2023. Т. 14, № 1. С. 111–131. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140107>
31. Личностные особенности русских студентов с различными типами этнической идентичности / С. И. Баляев [и др.] // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2023. Т. 23, № 4. С. 467–483. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.064.023.202304.467-483>

REFERENCES

1. Golub O.V., Timofeeva T.S., Dolgova V.Yu. Features of the Ethnic Identity of Americans and Russians. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2020;8(2). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN220.pdf> (accessed 09.09.2023).
2. Malygina I.G. [Cultural Identity in Modern Russia: The Search for New Models]. *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2011;(3):43–48. (In Russ.) Available at: <http://files.mgik.org/Vestnik/2011/2011-3/2011%20-%203%20-%2043.pdf> (accessed 09.09.2023).
3. Drobizheva L.M. [Identity and Ethnic Attitudes of Russians in a Foreign-Language Environment]. *Sociological Studies*. 2010;(12):49–58. (In Russ.) Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-12/Drobizheva.pdf> (accessed 09.09.2023).
4. Stefanenko T.G. [Ethnic Identity: From Ethnology to Social Psychology]. *Lomonosov Psychology Journal*. 2009;(2):3–17. (In Russ.) Available at: <https://msupsyj.ru/articles/article/4835/> (accessed 09.09.2023).
5. Titova T., Frolova E., Gushchina E., Blagoveshchenskaya A. Confessional Groups in the Republic of Tatarstan: Identity and Features of Its Design. *Codrul Cosminului*. 2019;25(1):87–94. <https://doi.org/10.4316/CC.2019.01.005>
6. Ryzhova S.V. On the Value Characteristics of Modern Russian Ethnic Identity. *Vlast*. 2016;24(9):163–172. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/4627/4409> (accessed 09.09.2023).
7. Kadykova S.A. [Psychological and Pedagogical Conditions for the Development of Positive Ethnic Identity of Students]. *Education and Self-Development*. 2008;(3):207–213. (In Russ.) EDN: PBYFQX
8. Vygotsky L.S. [The Problem of Cultural Development of the Child (1928)]. *Lomonosov Psychology Journal*. 1991;(4):5–18. (In Russ.) Available at: http://flogiston.ru/library/vyg_cult (accessed 04.12.2023).
9. Rakhmetova A., Ayapbergenov B., Karbozova G., Temirgazina Z. How Much Language is Important for Ethnic Identity of Young Kazakhstanis from Inter-Ethnic Families? *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022;15(11):1573–1584. Available at: <https://clck.ru/3A6ScM> (accessed 09.09.2023).
10. Phinney J.S. Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research. *Psychological Bulletin*. 1990;108(3):499–514. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.108.3.499>
11. Balich N.L., Mukha V.N. The Ethnic Identity in the Social Identity Structure of the Residents of Belarus and Russia. *Asian Social Science*. 2015;11(3):327–334. <https://doi.org/10.5539/ass.v11n3p327>
12. Lenovský L.T. The Relation of Language, Culture and Identity in the Environment of Ethnic Minorities. *Slavica Slovac*. 2018;53(3–4):243–251. (In Slov., abstract in Eng.) Available at: http://www.slavu.sav.sk/casopisy/slavica/2018_1/Študie_final_2-bezorez.pdf (accessed 07.11.2023).
13. Vorobyova K.I., Ri I., Gorchakova E.B., Goncharov V.I. Ethnic Identity of Young Koreans Living in the Russian Far East. *Indian Journal of Science and Technology*. 2016;9(21):1–9. <https://doi.org/10.17485/ijst/2016/v9i21/95223>
14. Ishak N., Zahari M.S.M., Talib S.A., Hanafi H.M. The Influence of Biculturalism/Integration Attributes on Ethnic Food Identity Formation. *Journal of Ethnic Foods*. 2019;6:21. <https://doi.org/10.1186/s42779-019-0024-4>
15. Sidelnikova A.A. The Conditions and Ways of Forming a Positive Ethnic Identity among Junior Students of the Donetsk Region. *Gumanitarnyy vestnik*. 2017;(5):137–143. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YWRQTZ
16. Krupnov D.Y., Khabaeva L.M., Abaeva I.V., Siukaeva E.G., Suprunova N.M. Features of Ethnic Identity of Youth of South Ossetia. *Modern Problems of Science and Education*. 2014;(5). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15170> (accessed 07.11.2023).
17. Urazmetova R.K., Khismatullin I.R. Ethnic Affiliation among Youth in the Conditions of the Polyethnic Society (on the Example of the Bashkortostan Republic). *The Bulliten KrasGAU*. 2015;(4):225–227. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.kgau.ru/vestnik/content/2015/4.pdf> (accessed 09.09.2023).
18. Ryzhova S.V. Ethnic Identity in the Social Dimension. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*. 2020;8(3):165–181. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7497>
19. Maksimova S.G., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E. The Ethnic Identification of Russians in Mono- and Polyethnic Regions: Repertory Analysis Grid Analysis. *Society and Security Insights*. 2020;3(2):13–40. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)2-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-01)
20. Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M., Plotka I.D. Multiple Identities, Acculturation and Adaptation of Russians in Latvia and Georgia. *Cultural-Historical Psychology*. 2019;15(2):54–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>

21. Sultaniyazova N.Zh. Correspondence between Characteristics of Ethnic Identity and Subjective Well-Being in Russians and Kazakhs. *Izvestia of Saratov University (N. S.). Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2019;8(1):52–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-1-52-62>
22. Khanova A.F., Stankevich E.A. Autostereotypes and Heterostereotypes of Russian and Tatar in the Republic of Tatarstan. *Journal of Psycholinguistics*. 2016;(4):244–255. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://iling-ran.ru/library/voprosy/30.pdf> (accessed 07.11.2023).
23. Pochebut L.G., Beznosov L.S. Psychological Analysis of Social Representations of Russians. *Pushkin Leningrad State University Journal. Psychology*. 2013;5(2):15–23. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: RVDQPR
24. Kechina E.A., Grischenina Y.A. Image of Russia as the Auto- and the Heterostereotype in Language Consciousness of the Russian and Arab Students. *International Research Journal*. 2016;(8). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3A77wZ> (accessed 09.09.2023).
25. Merenkov A.V., Scriabina K.Yu., Antonova N.L. Ethnic Identity: Views of Residents of a Large City on Russian Ethnos. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2020;4(1):20–25. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2020-4-1-20-25>
26. Stepanova G.S. Features of Ethnic Identity of Russians: Research Issues and Perspectives. *Social Psychology and Society*. 2012;3(4):41–52. Available at: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2012_n4/sps_2012_n4_56496.pdf (accessed 09.09.2023).
27. Sukhorukov I.S. Formation of Ethnocultural Identity of Adolescents and Youth in the Context of the Formation of Civil Society in Russia: Empirical Research. *Research Result: Pedagogy and Psychology of Education*. 2016;2(4):53–62. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://rrpedagogy.ru/media/pedagogy/2016/4/Сухоруков_ИС.pdf (accessed 07.11.2023).
28. Chernysheva N. Development of Ethnic Identity of Schoolchildren. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2010;(125):103–112. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/125/chernysheva_125_103_112.pdf (accessed 07.11.2023).
29. Murashchenkova N.V., Gritsenko V.V., Kalinina N.V., Efremenkova M.N., Kulesh E.V., Konstantinov V.V., et al. Ethnic, Civic, and Global Identities as Predictors of Emigration Activity of Student Youth in Belarus, Kazakhstan, and Russia. *Cultural-Historical Psychology*. 2022;18(3):113–123. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
30. Efremenkova M.N., Murashchenkova N.V., Gritsenko V.V., Stelmakh S.A., Burdina E.I. Perceptions of the Present and Future of the Country as a Factor of the Emigration Activity of Student Youth: Cross-Cultural Analysis. *Social Psychology and Society*. 2023;14(1):111–131. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17759/sps.2023140107>
31. Balyaev S.I., Garanina Zh.G., Nikishov S.N., Nikishova I.S. Personal Characteristics of Russian Students with Different Types of Ethnic Identity. *Russian Journal of the Humanities*. 2023;23(4):467–483. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2078-9823.064.023.202304.467-483>

Об авторах:

Баляев Сергей Иванович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3655-3312>, **Scopus ID:** 57207952637, balyaevsi@mail.ru

Гаранина Жанна Григорьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1428-1213>, **Scopus ID:** 57192682645, garanina23@mail.ru

Никишов Сергей Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1573-6825>, **Scopus ID:** 57195961479, serg-n79@yandex.ru

Никишова Ирина Станиславовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии МГУ им. Н. П. Огарёва (430000, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-9987-7803>, **Scopus ID:** 57195961341, isosipova@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

С. И. Баляев – разработка концепции и инструментария исследования; анализ и интерпретация данных; написание текста рукописи.

Ж. Г. Гаранина – сбор данных; анализ и интерпретация данных исследования; написание текста рукописи.

С. Н. Никишов – генерация идеи исследования; формализованный анализ данных.

И. С. Никишова – формализованный анализ данных; итоговая доработка статьи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 17.11.2023; одобрена после рецензирования 04.03.2024; принята к публикации 12.03.2024.

About the authors:

Sergey I. Balyaev, Cand.Sci. (Psychol.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Psychology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3655-3312>, **Scopus ID:** 57207952637, balyaevsi@mail.ru

Zhanna G. Garanina, Cand.Sci. (Psychol.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Psychology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1428-1213>, **Scopus ID:** 57192682645, garanina23@mail.ru

Sergey N. Nikishov, Cand.Sci. (Psychol.), Associate Professor, Head of the Chair of Psychology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1573-6825>, **Scopus ID:** 57195961479, serg-n79@yandex.ru

Irina S. Nikishova, Cand.Sci. (Psychol.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Psychology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-9987-7803>, **Scopus ID:** 57195961341, isosipova@yandex.ru

Authors' contribution:

S. I. Balyaev – development of the study concept and instruments; data analysis and interpretation; manuscript writing.

Zh. G. Garanina – data collection in 2023; analysis and interpretation of research data; manuscript writing.

S. N. Nikishov – formulation of the research idea; formalized data analysis.

I. S. Nikishova – formalized data analysis; final revision of the manuscript.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analysed during the current study are available from the author on reasonable request.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 17.11.2023; revised 04.03.2024; accepted 12.03.2024.